

Д. В. Ларкович

Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина

Сообщается об истоках возникновения и формах бытования антинаполеоновского мифа в русской культуре начала XIX в. Особое внимание уделено динамике его семантических трансформаций в поэтическом наследии Г. Р. Державина, который соотносил свою авторскую стратегию с задачами патриотического воспитания нации.

Ключевые слова: Г. Р. Державин; русская культура; Наполеон; мифопоэтика; эсхатология

Миф о Наполеоне-Антихристе в русском общественном сознании активно формировался в первое десятилетие XIX в., когда Россия в составе антинаполеоновской коалиции вела активные военные действия на территории ряда европейских государств. Следует заметить, что в целом на рубеже веков наполеоновская мифология имела бинарную природу: в одном лице, говоря словами Л. И. Вольперт, предстали две противоположных ипостаси — «герой-спаситель, несущий перемены, свет и свободу, своеобразный Прометей, и герой-губитель, тиран и деспот, который “приходит извне как губительное наваждение”. Первая линия ведет к созданию наполеоновского апологетического мифа, вторая — антибонапартистского»¹.

Возникновению мифа о Наполеоне-Антихристе, как известно, предшествовали откровенно апологетические, пронаполеоновские настроения, нашедшие отражение в мемуарной и публицистической литературе рубежа веков и образно запечатленные в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». По мере приближения наполеоновской армии к границам Российской империи эти настроения постепенно утрачивали свою остроту, пока окончательно не уступили место массовой наполеонофобии. Как известно, актуализации

¹ Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. С. 345.

данного мифа во многом способствовало опубликованное 13 декабря 1806 г. Объявление Святейшего правительствующего синода, предписывающее всем служителям церкви всемерно разъяснить прихожанам истинный смысл происходящих в Европе событий и их последствий в канун возможного наполеоновского вторжения в Россию. В этом документе, в частности, сообщалось:

Всему миру известны богопротивные его [Наполеона] замыслы и деяния, коими он попирает законы и правду. Еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время богопротивной революции, бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ее, отложился он от христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим. <...> Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение л ж е м е с с и и (выделено нами. — *Д. Л.*) в лице Наполеона².

Как видно из приведенного отрывка, Бонапарт представлен здесь как враг всего христианского мира, действия которого сопровождаются комплексом признаков, традиционно связанных с пришествием Антихриста (войны и мятежи, разврат, идолопоклонство, распространение лжеучений, гонение истинных христиан и др.), что должно было вызывать у читателя устойчивые

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 29 : с 1806 по 1807 г. С. 928–929.

ассоциации с соответствующими выдержками из Откровения Иоанна Богослова.

После заключения Тильзитского мирного договора в июне 1807 г. этот документ оказался двусмысленным и утратил свой официальный директивный статус, однако сама идея inferнальной природы одиозного французского императора сохранила свою остроту в представлении значительной части русского общества. Большой популярностью, в частности, эта идея пользовалась в среде старообрядцев³. Однако и образованная публика, вопреки официальным установкам царской внешней политики, не отказалась от данной идеологической схемы. Как замечает И. В. Амбарцумов, «Тильзитский мир не уменьшил неприязнь элиты русского дворянства к Наполеону, а наоборот, усилил ее. Этот мир, заключенный вскоре после поражения русских войск в битве при Фридланде, был воспринят большинством образованных современников как “постыдный”»⁴. Скандальный интерес к личности Наполеона подогревали посвященные его личности периодически появляющиеся публикации, преимущественно переводного характера⁵. Определенную роль в популяризации антинаполеоновских настроений сыграл и журнал С. Н. Глинки «Русский вестник», начавший издаваться с 1808 г.

По мере усложнения отношений между Россией и Францией апокалиптический ореол Наполеона в отечественной публицистике становился все более отчетливым. По мнению М. Г. Лобачковой, «эсхатологическое направление наполеоновского мифа в России

³ См.: Сазонова Л. И. Сказание о Наполеоне-антихристе : старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42–61.

⁴ Амбарцумов И. В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ambartsumov/part03.html> (дата обращения: 14.03. 2013).

⁵ См., например: Тайная история новаго французскаго двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудскаго кабинета а Париже : пер. с фр. Ч. 1–3. СПб., 1807 ; Французы в Вене, или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств, начавшихся с самого их вступления в Вену. СПб., 1807 ; и др.

имело несколько специфических черт и характеристик. Слияние образов Наполеона и Антихриста сопровождалось необычайным подъемом патриотизма и чувства национальной гордости. Для российской публицистики этого периода характерны не только призывы к активной борьбе против французского императора и его армии, но и крайне сатирический, уничижительный тон в изображении его личности и политики»⁶. Данная тенденция достигла своего апогея в 1812 г., когда французские войска вторглись в пределы Российской империи и появилось второе Воззвание Святейшего синода. В этом отношении весьма показательно сочинение профессора Дерптского университета Вильгельма Гецеля, который путем сложных каббалистических подсчетов обнаружил в имени императора Наполеона (*L'empereur Napoleon*) число 666 — число зверя из Апокалипсиса⁷.

Формированию мифа о Наполеоне-антихристе во многом способствовала и художественная литература, в особенности поэзия. На волне всеобщего патриотического воодушевления голоса поэтов зазвучали в унисон с основными положениями официальной государственной идеологии и слились в единый хор общенационального пафоса. Как отмечает О. С. Муравьева, «именно это стихийное и властное чувство единства диктовало одни и те же слова публицистам, политическим обозревателям, беспомощным поэтическим дилетантам и лучшим поэтам эпохи»⁸. Мотив inferнальной природы наполеоновского вторжения, вызванный оскорбленными патриотическими чувствами, становится сквозным в русской поэзии 1810-х гг. Он отчетливо фигурирует

⁶ Лобачкова М. Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике, 1799–1815 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 20.

⁷ Текст письма В. Гецеля военному министру М. Б. Барклаю де Толли от 12 июня 1812 г., содержащего вычисленный им нумерологический код имени Наполеона, см.: Чимаров С. Ю. Русская православная церковь в войне 1812 года. СПб., 2004. С. 80–81.

⁸ Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон : (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: исследования и материалы : в 15 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 14. Л., 1991. С. 8.

в таких стихотворениях, как «К отечеству» Александра Фед. Воейкова (1810), «К патриотам» Мих. Вас. Милонова (1812), «Пожар Москвы 1812 году» Н. М. Шатрова (1813–1814), «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина (1814), «Воспоминания о Царском Селе» А. С. Пушкина (1814) и мн. др. Однако еще задолго до событий наполеоновского вторжения в Россию он возникает и постепенно набирает свою значимость в поэтической системе Г. Р. Державина.

Одна из первых державинских лирических рефлексий на личность Наполеона относится еще к 1794 г. Так, в 4-й строфе стихотворения «Мой истукан» автор рисует образ воинственного злодея, дерзко попирающего этические нормы для достижения своих амбициозных замыслов и претендующего на безграничное властное господство:

Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует, — его орудью
Преграды нет, алчбе — цепей:
Внутрь совестью своей размучен,
Вне с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным⁹.

Несмотря на то, что имя удачливого французского генерала в стихотворении не упоминается, современники ассоциировали образ адресата данной державинской инвективы именно с личностью Наполеона как предводителя республиканских войск¹⁰.

⁹ Державин Г. Р. Сочинения / с объяснит. примеч. Я. Грота : в 9 т. Т. 1. СПб., 1864–1883. С. 610–611.

¹⁰ По справке Я. К. Грота, данная строфа была приведена автором изданного в Петербурге в 1807 г. перевода французской брошюры «Предупреждение к тайной истории нового французского двора» для характеристики Наполеона (Там же. С. 610).

Очередной этап актуализации образа Наполеона был обусловлен событиями, связанными с вторжением в 1798 г. французской армии в Италию и на Мальту, и участием в этих событиях в составе антифранцузской коалиции русской армии под командованием А. В. Суворова. В частности, в стихотворении «На новый 1798 год» портрет «гальского витязя» уточняется такими оценочными характеристиками, как вероломное коварство и безграничная гордыня, которые, по воле Божественного Промысла, после стремительного взлета неизбежно приведут его к падению.

Еще более определенно эта мысль звучит в стихотворении «На Мальтийский орден», где образ Наполеона, поименованный «Денницей», помещается в библейский контекст и экстраполируется на известный сюжет из книги пророка Исаи (Ис. 14: 12–17) о вознесении и низвержении царя вавилонского, возжелавшего сравняться со Всевышним:

Денницу зрели: мудр и славен,
В сияньи возносился он,
Рек: «Вышнему я буду равен,
На западе воздвигну трон». —
Но гибельны пути лукавы <...>.
И грозны громы Михаила
Стремглав коварство свергли в ад¹¹.

В державинских стихотворениях этого периода Наполеон предстает как прямой наследник французской революции, в результате которой «законы царств, обряды веры, / Святыня — почтены в химеры; / Попран Христос и скиптр царей; / Европа вся полна разбоев, / Цареубийц святят в героев»¹². Все это воспринимается как недвусмысленное свидетельство пришествия Антихриста и его кратковременного торжества.

Предсказание наполеоновского падения — один из центральных мотивов державинских стихотворений 1800-х гг.,

¹¹ Державин Г. Р. Указ. соч. Т. 1. С. 223–224.

¹² Там же. С. 217.

приуроченных к военному противостоянию России и Франции. Даже отойдя от официальной государственной деятельности, Державин испытывает острое чувство личной ответственности за судьбу России и активно включается в процесс ее защиты от внешнего врага. Поэт внимательно следит за новостями в отечественной и зарубежной периодике, касающимися победоносного шествия наполеоновской армии на европейском театре военных действий и собирает различные сведения о личности самого Бонапарта¹³. В 1806–1807 гг., когда французская армия вошла в Пруссию, Державин имел личные встречи с императором Александром I, чтобы высказать свои соображения об экстренных мерах по предотвращению наполеоновского вторжения в Россию¹⁴, и по собственной инициативе составил две развернутые записки, в которых изложил свои взгляды о реорганизации русской армии в условиях внутренней войны («Мнение о обороне империи на случай покушений Бонапарта» и «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи»). Как отмечает М. Г. Альтшуллер, «поражение России, Тильзитский мир огорчили старого вельможу. Он не мог примириться с позором, не мог видеть в Наполеоне истинного союзника»¹⁵, а потому предвидел дальнейшее драматическое развитие событий. И когда в июне 1812 г. наполеоновские войска пересекли границу Российской империи, Державин подготовил и представил на высочайшее имя еще один важный документ — «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов», но, по его собственным словам, «ни от Императора и ни от кого не имел никакого известия, и дошла ли та бумага до рук Его Величества, не получил ни от кого никакого сведения»¹⁶.

¹³ В личном архиве поэта имеется обширная подборка переводов из различных иностранных книг и журналов под заглавием «Сведения о Бонапарте» (см.: ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. № 85. 22 л.).

¹⁴ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. Т. 6. С. 828.

¹⁵ *Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства*. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 69.

¹⁶ *Державин Г. Р. Сочинения*. Т. 6. С. 829.

Убеждаясь в том, что опыт его государственной деятельности оказался не востребован властью, Державин обратился к проверенному средству выражения своих гражданских взглядов — поэтическому творчеству. Державинская поэзия второй половины 1800-х гг. приобретает откровенно агитационный характер. Все сколько-нибудь значимые события русско-французского военного противостояния вызывают стремительный отклик со стороны пожилого поэта и незамедлительно появляются в печати¹⁷. Для этих стихотворений характерны риторические интонации, предельная поляризация оценочных определений и прозрачный аллегоризм. Здесь нет места «забавному русскому слогу», ибо перед нами не лирика, а политическая агитка. Главная цель, которую преследует автор, — возбудить у читателей патриотический дух и высокие гражданские чувства в преддверии жестоких военных испытаний, и для достижения этой цели поэт готов вступить в противоречие с конкретными фактами исторической объективности. Так, характеризуя державинскую оду «На мир 1807 года», написанную по поводу заключения унижительного Тильзитского мирного договора, М. Г. Альтшуллер уточняет: «Вопреки горькой истине Державин изображал французского императора не победителем, заключившим выгодный и почетный мир, а смиренным противником, вынужденным идти на уступки»¹⁸.

Сам образ Наполеона в стихотворениях этого периода становится откровенным средоточием inferнальных сил, а мысль о неизбежной победе над его войском как результате Высшего возмездия приобретает характер лейтмотивной идеологемы. Мифориторические персонификации образа Наполеона многообразны и многочисленны и восходят преимущественно к тексту

¹⁷ См., например: Поход Озирида // Любитель словесности. 1806. № 1. С. 6 ; Глас Санктпетербургского общества по случаю высочайшего благоволения, объявленного ему главнокомандующим ноября 29 дня. СПб., [1805] ; Персей и Андромеда : кантата на победу французов русскими. СПб., 1805 ; На выступление корпуса гвардии в поход против французов, февраля 13, 14, 15 и 16 числ 1807 года. СПб., 1807 ; и др.

¹⁸ Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова. С. 69.

Откровения Иоанна Богослова или других библейских текстов: «Аввадон», «зверь», «дракон», «демон змеевидный», «князь тьмы», «змея», «князь бездны», «второй Навуходоносор», «Антихрист», «седьмглавый Люцифер», «таинственный чисел зверь» и др. В апокалиптическом контексте очерчен и образ Парижа — «нового Вавилона»¹⁹, города — «великой блудницы» (Откр. 18 : 2), чье падение предстает как следствие разврата, гордыни и безбожия. В стиле же апокалиптической масштабности аллегорически предстает образ наполеоновского воинства:

Вокруг его ехидны
 Со крыльев смерть и смрад трясут,
 Рогами солнце прут;
 Отенетая вкруг всю ошибками сферу,
 Горящу в воздух прыщут серу,
 Холмят дыханьем понт,
 Льют ночь на горизонт
 И движут ось вся вселенны²⁰.

Одной из наиболее устойчивых и частотных предстает его «змеевидная» ипостась «Саламандра». Именуя Наполеона в целом ряде стихотворных сочинений («На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского», «Персей и Андромеда», «На выступление корпуса гвардии в поход», «Атаману и войску Донскому» и др.) «адским Саламандром», Державин непосредственно отождествляет его с дьяволом и наделяет соответствующими функциями (смерть, убийство, разрушение), поэтический призыв к борьбе с которым приобретает характер религиозно-патриотической проповеди:

Иди! иди! предходит Бог
 Перед хоругвью Александра,

¹⁹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 3. С. 153.

²⁰ Там же. С. 139.

И пламень жруща Саламандра
Он в прах твоих повергнет ног²¹.

Любопытно в этой связи то, как в стихотворении «На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского» (1806) Державин обыгрывает фамилию русского полководца, ситуативно насыщая ее змееборческой семантикой. Так, согласно средневековым представлениям, саламандра есть огнедышащее драконоподобное существо, являющееся субстанцией огня. Благословляя «избранного в герои» Каменского на брань с «огненным змеем», лирический субъект резюмирует:

Так: вышней силой я держусь;
Ты — *именем и духом камень*,
Холодностью угасишь пламень;
Сразись! — и я не постыжусь²².

Апогеем развития библейской аллюзивности в поэзии Державина следует признать «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» (1812). Стихотворение предельно насыщено библейскими цитатами и реминисценциями из 1-й и 2-й Книг Соломоновых, Книги пророка Даниила, Книги пророка Иезекииля, Псалтыри, а его сюжетное построение очевидно проецируется на текст Откровения Иоанна Богослова. Сама структура державинского «Гимна» ориентирована на жанровую модель библейского пророческого видения, в котором факт вторжения наполеоновских войск в Россию сознательно и целенаправленно соотнесен с событиями Апокалипсиса.

Стихотворение открывают молитвенное воззвание к Всевышнему и указание на пророческие полномочия, которыми наделен автор:

Пой! — мир гласит мне горний, дольний, —
И оправдай судьбы Господни²³.

²¹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. С. 609.

²² Там же. С. 609.

²³ Там же. Т. 3. С. 138.

Ощущение эсхатологической реальности происходящего постоянно акцентируется Державиным библейскими реминисценциями как в самом тексте «Гимна», так и в авторском комментарии к нему. Так, согласно державинскому поэтическому пророчеству:

— предначертанным оказывается срок наполеоновского нашествия, что само по себе указывает на дьявольскую сущность Наполеона («Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь»²⁴ (ср.: Откр. 11 : 7; 13 : 1);

— масштаб деяний наполеоновского войска столь же катастрофичен, что и разрушительные потрясения, наступившие на земле после трубного гласа семи ангелов («Его летящи легионы / Затмили свет...», «Кровавы вслед моря струились / И заревы по небу рдились...»²⁵, и др. (ср.: Откр. 8 : 7–19 : 21);

— на Наполеона, который, подобно библейскому Гогу, возгордился своим могуществом и претендовал на мировое господство, обрушились чаши Господнего гнева («Молебных капля слез, / Упадши в чашу правосудья, / Всей стратегистики орудья, / Как прах взметнула до небес...»²⁶ (ср.: Откр. 16 : 1–21);

— бегство Наполеона из России сопровождается справедливым ропотом душ погибших русских праведников («Он видит теней пред очами / Святых и наших праотцев...»²⁷ (ср.: Откр. 6 : 9–10);

— окончательную победу над Наполеоном осуществил полководец по имени Михаил (М. И. Кутузов), подобно тезоименитому архангелу, заковавшему Сатану и на тысячу лет низвергнувшего его в преисподнюю («Упала демонская сила / Рукой избранна князя Михаила...»²⁸ (ср.: Откр. 20 : 1–3).

— наконец, дьявольское число 666 содержится в самом имени Наполеона, о чем Державин сообщает в комментарии со ссылкой на вышеупомянутое письмо профессора И. Гецеля к командующему

²⁴ Там же. С. 138.

²⁵ Там же. С. 141.

²⁶ Там же. С. 142–143.

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Там же. С. 152.

М. Б. Барклаю де Толли²⁹ (ср.: Откр. 13 : 18), и меткой, содержащей это число, он клеймит своих сторонников, а нежелающих ее принять добровольно — уничтожает («...зрит себя вокруг / Он тысячи невинных вдруг, / Замученных и убиенных, / Им не запечатленных»)³⁰ (ср.: Откр. 13 : 15–17).

Образ Наполеона складывается здесь из целой совокупности inferнальных обличей, среди которых наиболее выразителен его змееморфный вариант. Поэтому, следуя сюжетной логике Откровения Иоанна Богослова, вторжение наполеоновского войска в Россию Державин отождествляет с восстанием из преисподней «дракона иль демона змеевидного» с последующим его низвержением «кротким Агнцем», персональным воплощением которого в «Гимне» выступает император Александр I:

Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец белоруный,
Смиранный, кроткий, но челоперуный,
Восстал на Севере один, —
Исчез змей-исполин!³¹

Именно благодаря последовательной и многоступенчатой системе апокалиптических реминисценций центральное событие «Гимна» — прогнание французов из Отечества — перерастает в предельно масштабную поэтическую картину, отражающую полную и окончательную победу Божественного Промысла над абсолютным злом и знаменующую грядущее обновление всего мира.

²⁹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 3. С. 151.

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Там же. С. 139.